

Собрание сочинений в 5 томах. Том 4. Издательство "Художественная литература". Москва, 1961
Оср, проверка -- Читальный зал -- <http://www.reading-room.narod.ru/lib>

Два самых больших события в жизни Тони произошли почти одновременно. Не успела она привыкнуть к замужеству, как надвинулось новое событие. Константина Степановича Говоркова, ее мужа, послали на службу в город Вашингтон, и Тоня вместе со своим Костей поехала в Америку.

На Белорусско-Балтийский вокзал Тоню пришли провожать две подруги -- Киля и Клава. Они были веселые, насмешливые девушки, но здесь, среди интуристов и носильщиков, стеснялись и все время спрашивали Тоню:

-- Значит, едешь?

Тоне тоже было не по себе, и она уныло повторяла:

-- Так вы пишите, девочки.

-- Как я тебе завидую, -- говорила Киля. -- Ты счастливая. Будешь жить в Нью-Йорке.

-- Не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне, -- поправляла Тоня. -- Нью-Йорк это не столица, а мы будем жить в столице.

-- Ты счастливая, -- повторяли Киля и Клава. -- Там, наверно, очень интересно.

-- Я думаю, -- скромно отвечала Тоня.

Муж, Костя Говорков, часто забегал в свое купе и смотрелся в зеркало. Его мучило, что он купил слишком большую шляпу, не по голове. Шляпа все время налезала на уши и как-то обидно подчеркивала этим юность тов. Говоркова. Поэтому, возвращаясь на перрон, он держал шляпу в руке и, чтобы не заметили его смущения, строго говорил молодой жене:

-- Тоня, иди в купе, ты простудишься.

Девочки и в самом деле немножко завидовали. Сейчас подруга уедет в далекую таинственную Америку, а они пойдут на свою расфасовочную фабрику упаковывать перец, соду и шафран в картонную тару. И так будет каждый день, в то время как Тоня... Лучше было даже не думать о Тонином счастье.

-- Так ты пиши, Тонька! -- громко и тоскливо крикнули они вслед уходящему поезду.

-- Так вы пишите, девочки! -- донеслось к ним из сырого железнодорожного мрака.

Ехать через Европу было интересно и жутко. В Польше из окна вагона Тоня в первый раз за свою жизнь увидела помещика. Он ехал в бегунках. Это был толстый усач в брезентовом плаще. Он строго обозревал свои тощие овсы.

Костя тоже никогда еще не видел помещиков, И молодожены долго следили за этой странной фигурой, как бы возникшей из учебников политграмоты.

Очень часто менялись страны. В вагон входили то польские таможенники и жандармы, то немецкие, то бельгийские, то французские. Тоня боялась этих людей. Они были грубоваты и торопливы, какими, видно, уж полагается быть таможенным чиновникам во всем мире. Но Тоне казалось, что эта суровость направлена специально против нее и Кости, что вот они схватят ее милого Костю и куда-то потащут его вместе с паспортами, билетами и деньгами. Что она тогда будет делать? Без паспорта, без денег и билета? Кроме того, она не знала ни польского, ни немецкого, ни французского. Английского она тоже не знала. Английский язык немножко знал Костя.

-- Шоколад? Сигареты? -- прокричал французский таможенник ужасным голосом.

-- Нон, нон, -- ответил Костя. -- Шоколад нон. И сигареты нон.

Тогда француз неожиданно ушел; даже не взглянув на чемоданы.

Но самое страшное было впереди. Пароход. Он стоял в Шербурге, высокий, черный, с толстыми желтыми трубами. Это был "Маджестик".

-- "Кюнард Уайт Стар лайн", -- с удовольствием объяснил Костя по-английски, когда молодожены, устроившись в каюте, вышли на палубу. -- Пятьдесят шесть тысяч тонн. Английское пароходство. Теперь, Тонечка, я буду все время практиковаться в английском языке.

И он стал говорить в уме английскую фразу, с которой собирался обратиться к матросу: "Скажите, пожалуйста, в котором часу отойдет этот пароход?" Матрос занимался совсем не матросским делом -- раздавал пассажирам для подкрепления сил чашки с горячим бульоном. Не успел Костя составить в уме английскую фразу, как матрос вежливо подал ему чашку и ушел. Этим практика и ограничилась.

Путешествие через океан длилось шесть дней. Каждую полночь стрелки всех пароходных часов